

Но рассчитывать на Чжу Чжэнцзиня не приходилось.

И дело даже не в том, что Чжу Чжэнцзинь был всего лишь приёмным отцом Хо Цунцзина, — даже будь он его родным отцом, ничего бы не изменилось.

Какой нормальный человек согласится смотреть, как его собственный сын путается с мальчиком по вызову?

Особенно с таким, за которым тянулась дурная слава. В своё время история с Двенадцатым принцем и Пятым принцем гремела на весь Цзинду.

Так или иначе, вопрос о выкупе замяли сам собой. Хо Цунцзин не стал бросать фразы в духе подожди меня год — всё это не имело никакого смысла. Вернувшись из похода на Чжао, он и так получит всё, чего пожелает.

Хо Цунцзин провёл ночь у Лю Чи, а на следующий день совершенно закономерно прогулял утренний доклад императору.

В конце концов, его участие в утренних собраниях сводилось лишь к роли деревянного столба: до обсуждения важных государственных дел его мнение никогда не допускалось.

Вот только уходя, Лю Чи всё время смотрел на него, словно чего-то ждал.

Хо Цунцзин действительно не понимал, что ему сказать. Натужно поразмыслив, он выдавил из себя лишь одну фразу: — Я обязательно заберу тебя отсюда.

Эти слова были вовсе не тем, что хотел услышать Лю Чи. Тем не менее он с улыбкой кивнул и даже тихонько промычал: — Угу.

Одному слову Чжу Чжэнцзиня было достаточно, чтобы Лю Чи стёрли с лица земли. Ну или по крайней мере вышвырнули из Цзинду.

Колени Двенадцатого принца ещё до конца не зажили, и он, прихрамывая, уселся на стул, однако выражение его лица выдавало неподдельную радость.

Хотя Маркиз Юнчан обладал лишь титулом маркиза, он передавался по наследству из поколения в поколение, а его предки были чистокровными сподвижниками основателя династии — совсем не так, как в Резиденции князя Чэн, чьи владельцы изначально получили княжеский титул лишь благодаря кровным узам с императорским родом.

Лю Чи тоже полагал, что в ближайшие пару дней Генерал, подавляющий Восток, объявиться вряд ли сможет: хоть он и не знал, что Князь Увэй вызывал Хо Цунцзина на ковёр для отчитывания, два грязных отпечатка сапог на одежде Хо Цунцзина видел предельно чётко.

— Уже за полдень, если я немного здесь посижу, не пора ли будет садиться за ужин?

Двенадцатый принц, конечно же, знал, что изначально Резиденция князя Чэн принадлежала одному из членов императорского рода. Позже, за выдающиеся заслуги, тогдашний император пожаловал им право передавать княжеский титул в течение трёх поколений — нынешний владелец был как раз из второго поколения.

Но главное заключалось в том, что между родом наследников князя Чэн и родом маркизов Юнчан существовала давняя кровная вражда.

Он, разумеется, мог живо представить, какой будет дальнейшая реакция этого Князя Увэй.

Двенадцатый принц редко испытывал столь чистую, ничем не омраченную радость — разве что когда его влияние прирастало новыми силами. Лю Чи невольно тоже улыбнулся.

И хотя первый князь Чэн прославился своими подвигами, его сын оказался заурядным и бездарным человеком, довольствовавшимся лишь жалованьем праздного князя. В конце концов, княжеский особняк и маркизовский дом вели борьбу практически на равных.

Двенадцатый принц растерянно моргнул.

— Князя Чэна знаешь? — спросил Лю Чи. Если подумать, у Князя Увэй на редкость хороший характер... По крайней мере, Лю Чи считал, что на его месте, если бы и родной сын, и приемный погрязли в страсти к какому-то продажному мальчишке, он точно не смог бы сдержать гнев и не стал бы срывать его на окружающих, как это сделал Князь Увэй.

Двенадцатый принц кивнул и спросил: — Что такое?

— Теперь ты должен мне рассказать? Как помочь тебе отсюда выбраться? — с некоторой спешкой спросил Двенадцатый принц.

— Разве ты обычно не приходишь лишь на ужин? — Лю Чи не знал, плакать ему или смеяться.

Во всем Цзинду нашелся бы лишь один человек, смеющийся так пинать эти двери, и Лю Чи мог назвать его с закрытыми глазами: Чжу Чжэнцин.

Князь Увэй явно не ожидал, что стоило ему заставить Хо Цунцзина встать на колени, как этот негодяй в ту же ночь, выбравшись из резиденции, поскакал напрямик в Башню Ветра и Луны. Как только Хо Цунцин вернулся домой, его тут же заперли в поместье под трехдневный домашний арест.

Двенадцатый принц появился сегодня необычайно рано: он пришел сразу же, как только Лю Чи покончил со своим завтраком.

— Здоровье Наследника князя Чэна всегда было слабым, — Лю Чи уселся напротив него. — Он скоро умрет.

Он не был близко знаком с этим Наследником князя Чэна, лишь знал о его существовании.

— У меня есть с ним кое-какие дела, — Лю Чи опустил взгляд и, достав конверт, протянул его собеседнику. — Выбери подходящий момент и передай это письмо лично Наследнику князя Чэна. Сделай все сам, так это будет выглядеть искреннее.

Двенадцатый принц взял конверт и, ничуть не смущаясь, тут же вскрыл его.

В тот же миг вся радость сошла с его лица, и по мере чтения брови хмурились все сильнее.

— Что это значит? — спросил он.

— Если дело выгорит, это позволит отделить тебя от меня. В дальнейшем тебе станет куда проще вести дела при дворе, все пятна на репутации исчезнут, да к тому же ты приобретешь в лице Резиденции князя Чэн надежного союзника, — Лю Чи моргнул и улыбнулся. — Выгод тут предостаточно.

Двенадцатый принц, однако, нахмурился: — Малыш Хуаньюй, может, все-таки не стоит...

— Ты сам просил меня придумать выход, Двенадцатый, а теперь хочешь пойти попятную?

По правде говоря, поначалу Лю Чи не слишком-то вникал в это дело, но, осознав все преимущества успеха, он взялся за него со всей серьезностью.

Заметив, что улыбка исчезла с лица Лю Чи, Двенадцатый принц мгновенно сориентировался. Сменив выражение лица, он жалобно уставился на него и спросил: — Разве нет другого выхода?

Двенадцатого принца звали Шэн Юньгуй, он был ровесником Лю Чи. В отличие от Лю Чи, унаследовавшего яркую красоту матери, Двенадцатый принц больше походил на отца — впрочем, нынешний Император в молодости тоже слыл редкостным красавцем.

По словам стариков из дворца, Двенадцатый принц был невероятно похож на молодого Императора — как внешне, так и нровом.

— Другого нет, — Лю Чи отвел взгляд и тихо произнес: В глазах остальных принцев Двенадцатый принц казался человеком, который не стремится к успеху и лишь проживает жизнь впустую, ожидая смерти. Такой образ сложился у окружающих во многом из-за его скандальной репутации, связанной с Башней Ветра и Луны и Лю Чи. Однако для тех, кто знал его по-настоящему, этот принц был человеком сдержанным, холодным и искусно владеющим искусством интриг и лицедейства.

Лишь в присутствии Лю Чи этот двенадцатый парень казался простым, живым... и даже милым.

Впрочем, когда Лю Чи выдерживал такой просительный взгляд, ему становилось не по себе: ума не приложу, как этому парню удавалось изображать подобное выражение на лице, до боли напоминающем императорское.

В конце концов Двенадцатый принц, хоть на вид и выказывал недовольство, всё же очень бережно спрятал письмо.

Он понимал: раз уж Лю Чи говорит, что у него есть «некоторая связь» с наследником князя Чэна, это значит, что данный наследник не чета своему бездарному отцу. Лю Чи невероятно умен, а заводить дружбу он может лишь с такими же умными людьми. Союзник в лице наследника князя Чэна, пожалуй, окажется куда полезнее, чем он предполагал.

— Малыш Желтый Горбыль, я пожалел об этом, — пробормотал Двенадцатый принц.

Он знал, что у Лю Чи наверняка имелись и другие способы с куда меньшими потерями. Тот план, который Лю Чи предложил сейчас, не ущемлял интересы партии Двенадцатого принца вовсе, а сулил лишь сплошные выгоды; он наносил ущерб исключительно самому Лю Чи, хотя сам Лю Чи таковым его не считал. Но тот первый способ Лю Чи отверг лишь потому, что он приносил Двенадцатому принцу еще большую выгоду.

— Вечно ты разводишь бабьи сентименты, — улыбнулся Лю Чи.

Перед Срединными Вратами Воина.

Свергнутый наследный принц — или, если называть вещи своими именами, Седьмой принц — стоял перед повозкой. Лицо его было смертельно бледным, а на лбу выделялась едва затянувшаяся корочкой рана.

— Государственный наставник, — он обвел взглядом алые дворцовые стены и возвышавшийся за ними величественный ансамбль дворцов, на который смотрел последние двадцать лет. — Я... я сожалею.

— О чём вы сожалеете? — Человек, которого свергнутый наследный принц назвал государственным наставником, выглядел лет на сорок-пятьдесят. Даже теперь, когда принца лишили титула, в его глазах не читалось ни малейшего презрения — он лишь мягко задал вопрос.

— Я сожалею, что родился здесь, — тихо произнес свергнутый наследный принц. — Я сожалею, что я — сын императора.

— Прошу вас, выбирайте выражения, — государственный наставник опустил голову.

— Неважно, я знаю, что стоило мне покинуть Цзинду, как меня ждет смерть — мои братья меня не пощадят. — На губах свергнутого наследного принца заиграла холодная, зловещая улыбка. — Впрочем, вскоре к моим услугам отправится куда больше хороших братишек, чтобы составить мне компанию.

— Император приказал вам покинуть столицу, чтобы защитить вас, — произнес государственный наставник.

— Нет, — свергнутый наследный принц покачал головой. — Он просто хочет, чтобы я умер там, где он не сможет этого видеть. В конце концов, когда я был маленьким, он ведь искренне забавлялся со мной, не так ли? Умри я в Цзинду, он бы счел это дурной приметой.

Государственный наставник опустил взгляд и принялся оправдывать Его Величество Императора:

— Вы неверно истолковываете благие намерения Вашего Величества.

— Благие намерения? — Свергнутый наследный принц издал короткий смешок, похожий на хриплый выдох, словно услышал какую-то невероятную шутку. — Что ж, тогда премного ему благодарен.

Седьмой принц не обладал никакими талантами.

Это стало очевидно еще тогда, когда целая группа принцев впервые села за учебу вместе: успехи Седьмого принца в науках можно было назвать разве что заурядными, а нравом он пошел в свою родную мать — простолюдинку, чье происхождение было слишком низким для императорского двора.

После того как император объявил его наследником престола, Седьмой принц на какое-то время воспрял духом. Он изо всех сил старался делать всё как надо, но обычно у него не получалось ровно ничего — и дело было не только в отсутствии у него собственных талантов, главной причиной служило вмешательство его братьев и их матерей и родственников по материнской линии.

Когда за ним прочно закрепилась и уже не могла отмыться репутация никчемного наследника, Седьмой принц покатился по наклонной. Он уже понял, что служит лишь выставленной напоказ мишенью: какие бы ошибки он ни совершал, отец пока не тронет его место, однако и каких бы усилий он ни прилагал, император не взглянет на него с одобрением.

Поэтому его поступки становились всё более безумными, пока он наконец не убил Двадцать третьего принца, посмеявшегося бросить ему вызов.

— Признаю, всё случившееся — целиком и полностью моя заслуга, я получил по заслугам... — с вздохом произнес свергнутый наследный принц. — Но государственный наставник, скажи мне: Августейший отец так яростно гневался из-за того, что я убил Двадцать третьего брата, что даже свергнул наследника и подрубил влияние нескольких принцев, вид у него был такой, будто он безумно дорожит этим сыном... но знает ли он... как звали Двадцать третьего брата на самом деле?

Государственный наставник на мгновение лишился дар речи.

Кто вообще стал бы запоминать настоящее имя этого совершенно бесцветного Двадцать третьего принца? Знал ли император его имя — вопрос, пожалуй, спорный.

И всё же государственный наставник ответил:

— Разумеется, Вашему Величеству это известно.

— Ха, — свергнутый наследный принц холодно усмехнулся, глядя на него. — Насчет императора еще можно поспорить, но уж ты-то, государственный наставник, точно знаешь.

Вся эта кучка драконьих отпрысков выглядит жалко и растерянно, и ты ведь немало забавлялся этим в последнее время, верно?

Государственный наставник поднял голову:

— К чему Вашему Высотельству говорить такое?

— Сун Лэшань, ты ведь всего лишь выходец из деревенских даосов-алхимиков, к тому же в молодости из-за неудач претерпевший немало издевательств и унижений. Больше всего на свете ты любишь смотреть, как унижают людей благородного происхождения, не так ли? — Свергнутый наследный принц искоса глянул на него, полным презрения взглядом. — Наверняка и сегодня ты из добрых побуждений вызвался лично проводить меня исключительно ради того, чтобы поглазеть, как жалко я буду выглядеть, покидая столицу?

— Вы заблуждаетесь на мой счет, Ваше Высочество, — прищурившись, холодно произнес государственный наставник.

Свергнутый наследный принц был прав: с того самого момента, как Седьмого принца возвели в ранг наследника, Сун Лэшань, то бишь государственный наставник, не спускал с него глаз.

Наблюдать за тем, как этот рожденный в знати наследный принц бьется отовсюду головой, а в конце концов скатывается на дно и лишается титула, было одним из главных развлечений Сун Лэшаня последние годы.

<http://bllate.org/book/21314/2162811>